

КЛЯТВА
и
Клёкот

Копирование,
тиражирование и распространение
материалов, содержащихся в книге, допускается только
с письменного разрешения правообладателей.

ДИАНА ЧАЙКОВСКАЯ

КЛЯТВА
и
Клёкот

NO SUGAR
BOOKS

Москва
2025

Великая Мать¹ — начало и конец всего. Она сплетает нити судеб и создает полотно мира. У Нее тысячи лиц, и каждое из них завораживает.

Облик победы порой настолько ужасен, что вызывает слезы и страх.

---

¹ Речь идет о женском архетипе (здесь и далее — *прим. автора*)

ПРОЛОГ

*...А войска идут за горящим камнем,
за чужими бусами, серебром, завывая
в мгlistой тиши волками, мол,
держись, вражина, как грянет гром.*

Из авторского стихотворения

Мягкий голос пел ему о войне, о проклятых землях, где пролилось столько крови, что хватило бы для любых чар. Было в этом что-то родное и давно забытое, похожее на материнский шепот. Неудивительно, что на сердце теплело и Лихослав улыбался.

Сколько лет уже прошло с тех пор, как Совет запер его в глубине скал? Сплетения пещер захватывали Лихослава паучьими лапами и тянули то вниз, то в сторону, словно посмеиваясь и повторяя: нет, милый, не вырвешься, не пытайся. Поначалу хотелось — а потом он смирился. Горы стали почти домом.

А как все начиналось? Лихослав сжал зубы и застонал. Обрывки воспоминаний замелькали

яркими камушками разных цветов. Одни ранили сердце, да так, что он мычал и кривился, другие разгоняли тьму. Сияние переливалось, трепетало, оборачивалось водой, пламенем и мглой, создавая причудливые и мрачные узоры.

Вот он, не в меру способный и сильный, стоит перед Советом. Чародеи еще тогда боялись, что мальчишка возвысится над старшими и что «горячая кровь» погубит и их, и самого Лихослава, а вместе с ним — княжества. Он первый, кто смог обернуться и волком, и нетопырем, хотя обычно перевертыши получали одно тело — звериное или птичье. А Лихослав прекрасно понимал, что может даже больше. Правда, остальное лежало за гранью дозволенного. Чары на крови еще разрешали худо-бедно, а вот за ворожбу с костями и мертвецами Совет жестоко наказывал. Почувяв неладное, они уничтожили записи и закрыли этот путь. Ну да боги с ними, неразумными.

К слову, о богах. Лихослав хохотнул, потрянув головой. Слипшиеся пряди упали на лицо. Он ведь первый, кому удалось заговорить с ними напрямую, без волхвов и капища. Велес и Мокошь отвечали, давали дельные советы и взамен просили всего ничего — служить верой и правдой, не нарушая заветов. Приходилось слушаться.

Совет боялся его, но каждый раз их посланники прибегали — потные и уставшие. Чуть ли не в ноги падали, умоляя помочь, мол, беда

жуткая, опять кто-то там перепутал заклятья и выпустил невесть что на белый свет. Лихослав вздыхал, качал головой и шел вслед за посланником. Смешно сказать — иногда ему приходилось мирить чародеев и вдавливать в их головы, что играть с непокорным пламенем опасно.

А потом умер старший — важная птица, летавшая выше прочих... Как его там? Люблич? Да, вроде бы. И чародеи вспомнили, что Лихослав когда-то пытался поднимать мертвых. Этот задум сразу показался паршивым, но Совет не давал покоя — просил, не переставая, несколько седмиц.

Пришлось нарушить обещание, что Лихослав дал Мокоши и Велесу. Он вернулся к темной ворожке и целый месяц трудился — сперва удерживал дух чародея рядом с телом: читал заговоры, потом оплетал душу тонкими нитями чар, обращался к Моране с молитвами и дарами. И вот — получилось. Люблич ожил, но не до конца.

Обезумевший, он разнес половину столицы. Убить чародея удалось с большим трудом. Моровецкий князь был в ярости и обещал уничтожить весь Совет. Конечно, они сразу нашли виновного и пронзили двух зайцев одной стрелой — и себя обелили, и от пугающей силы избавились.

Чародеи Моровецкого княжества подстергли Лихослава, как раз когда он собирался

вернуться домой, поймали и заточили в скалу. Даже уставший и обессиленный, Лихослав слышал, как хор голосов заклинает камни, сплетая сеть чар из огня, воздуха, земли и воды. Только мгла была им не по силам — она змеей стелилась у ног Лихослава и повторяла раз за разом, что служит лишь ему одному. Раньше не верилось — теперь... А, поживешь в пещерах, не видя света, поверишь и не в такое.

Именно тьма напевала ему голосом матери и рассказывала, что чародеи Огнебужского княжества отказались поддерживать сородичей и потребовали вернуть Лихослава для справедливого суда. Моровецкие отказались. Потом слово за слово, заклятье против заклятья — и вот она, война.

Теперь кровь лилась реками. Одно княжество все больше требовало от другого, и дело уже было не в Лихославе.

Мгла стелилась перед ним каменными тропками, мурлыкала на ухо и убаюкивала. Она не позволяла сходить с ума — держала где-то на грани. А еще... Ну, это звучало безумно и забавно, но тьма шептала, что волхвы предсказывают возвращение Лихослава и что после этого война сразу закончится.

Еще смешнее. Он ни за что не стал бы мирить чародеев — пусть перегрызутся как крысы и сдохнут всем родом. Лихослав слишком сросся с этой горой, сам стал как камень — выжженный уголек, дотлевающий в каменных недрах.

Мягкий голос завел новую песню. Лихослав прикрыл глаза и вслушался:

*За горами, за лесами
Жил да был князь Мирояр...*

I

НЕДОБРЫЕ ВЕСТИ

*В смутные времена каждый
выживший становится героем.*

1

Боги молчали. Они принимали жертвы, но не откликались на призывы прекратить это безумие. Раньше Марья думала, что война была всегда: с перерывами, с попытками подгадать друг другу без прямых столкновений, — а потом узнала, что все началось триста лет назад. О той истории упоминали вскользь — не любили люди говорить про темного чародея-отступника.

Раньше Марья не понимала почему. Этот человек расколол Совет: те, что постарше и помудрее, испугались подобной силы и спрятали ее среди гор, младшие же попытались обратиться обряд, за что их и изгнали в земли, которые нынче принадлежат Огнебужскому роду.

Надо ли говорить, что те не только стали сильнее, но и решили отгрызть немалый кусок

княжества, да какой! Житницу их, цветущую Ржевицу, и все поля, что золотились и опоясывали густой лес, щедрый да богатый в теплое время. И тогда полилось еще больше крови, на защиту встали оборотни — о, тогда их было много! — а после тамошний князь договорился о мире, шатком и недолгом, в обмен на дань.

Лихослав же, по слухам, проклял Моровецкое княжество, а до того разрушил их столицу — Гданец, расписной, веселый, живой. Тот самый уголок, где никогда не унывали, а во время перемирия славил богов и торговали вовсю, пытаясь скопить побольше зерна и теплых вещей. Кто знает — вдруг снова начнется?..

Но даже в Гданеце воздух пах кровью, гарью и злой силой. Не зря отец не пускал Марью дальше двора — боялся, что убьют или того хуже. Он вообще держал ухо востро — сделал собственный птичник, где старшие чародеи растили младших, дарили им крылья и учили летать незаметно.

Говорят, лет сто назад были и другие перевертыши. Они первыми бросались в бой и сражались до последнего. Потом их тела поедали вороны. Выживших отлавливали по лесам-полям и перебивали, не оставляя ни старых, ни молодых, ни совсем детей. Чтобы не подросли и не вернулись.

Марья стояла у окна. Во дворе перевертыши наминали друг другу бока. Были там и парни, и девки — все, кто умел перекидываться через

себя и взмывать в небо. На войне ни одна пара крыльев не станет лишней. Среди отцовских чародеев был и ее хороший знакомец Дербник — крохотный сокол. Он изредка выводил Марью в город, показывал, как живут люди за пределами детинца², и кормил пирогами.

Ах, молодцы! Марья осмотрела темно-русую косу — густую, пышную, всем девкам на зависть — и тяжело вздохнула. Никто из соседей не слал к ним сватов, хотя все восхищались красотой княжны. Нахваливали, писали поздравления, но боялись. Потому что союз не столько сердец, сколько княжеств. А выступать против Огнебужских открыто многие попросту боялись. У них там побольше чародеев, чем у Моровецких.

Видимо, придется пойти за боярина, воеводу или купца. Но никто из местных по сердцу не приходился. Отец ее не торопил — сам чувствовал вину за то, что не мог найти достойного.

— Уходит моя краса, — покачала головой Марья, завидев нянюшку. — От весны к весне бледнею.

— Да что ты такое говоришь? — возмутилась та. — Нет в тереме девицы краше тебя. Да и в городе не найдется.

— Надолго ли? — Она отвернулась.

Нянюшка Вацлава воспитывала Марью с детства и добывала для нее все самое луч-

---

² Укрепленная часть города.

шее: от перин до верхних рубах с камнями. Когда враги вгрызались в их землю и купцы переставали ездить по дорогам, Вацлава умудрялась находить диковинки — жемчужные бусы, кокошники, височные кольца — и приносила их Марье, стараясь ободрить.

Но в голове клубились мысли, одна другой хуже. Марья ясно видела: они проигрывали. Медленно, верно. Огнебужские теснили их, отбирали деревни, набегали на окраины городов. Чародеи у них были сильные, словно сам Лихослав воспитывал.

— Как отец? — нахмурилась Марья.

Сенные девки шептались, будто князь Мирояр слег и его сердце вот-вот не выдержит. Жениться не удавалось — никто не хотел родниться с проигрывающими.

Целых триста лет они то откупались, то воевали, то пытались договориться, да неудачно: Огнебужские хотели все больше и больше. Кажется, ныне и отданная Ржевица не заставила бы их убраться прочь. Марья слышала, будто их князь хочет Гданец. Если так, неудивительно, что отец ослаб и почти не показывается людям.

— В порядке, — коротко ответила Вацлава. — Ты лучше о себе побеспокойся. Поешь да попей, а то совсем исхудала.

Марья неохотно кивнула. С нянюшкой лучше не спорить, иначе начнет причитать, хвататься за сердце и уговаривать. Вацлава мигом повеселела.